

ЗНАЧИМОСТЬ РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАЗАХОВ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Айман Жусупова^{1*},
Жаксылык Сабитов²

¹ руководитель проектов Eurasian Center for People Management, кандидат политических наук, Алматы, Казахстан, e-mail: zhusupova@ecpm.kz

² и.о. директора РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи», PhD, Астана, Казахстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

doi.org/10.52536/2415-8216.2024-3.08

Аннотация. Среди казахов современного Казахстана фиксируется растущий запрос на историческую память, что в первую очередь проявляется в желании узнать о своих предках, родословной. Вместе с тем, среди экспертов нет единой позиции о том, какую роль играют данные знания сегодня. Можно выделить три точки зрения на этот счет. Первая – о том, что эти знания несут позитивный заряд, могут возродить национальное самосознание, вторая – о том, что эти знания не имеют практической значимости и скорее несут символическое значение, и третья, что родовое деление может привести к расколу казахов. В свою очередь среди граждан – рядовых казахов данные знания сегодня выступают прежде всего основой для собственной самоидентификации, лучшего понимания текущей реальности, то есть, больше лежат в идеологической или ценностной плоскости. Тем не менее, в перспективе данные знания могут перейти в плоскость социального капитала.

В этой связи, наличие или отсутствие данных знаний может выступить основой для ценностного разделения среди казахов, кроме того, исключительная ориентация на мужчин в выстраивании родословной казахов уже сегодня вызывает определённое недовольство женщин казашек, что особенно проявлено среди молодежи, и может, в том числе, влиять на расширение среди казахов гендерного неравенства с точки зрения базовых ценностных установок. Тем не менее, ренессанс исторической памяти среди казахов, в данный период развития страны является естественным процессом общественного развития, тогда как разрешение возникающих противоречий уже находит свое решение в процессе их коллективного осмысления, в частности, речь идет о получающей обсуждение практике выстраивания женской генеалогии среди казахов, родословной по женской линии.

Ключевые слова: историческая память, родовая принадлежность, политика памяти, мягкая сила, геополитическая субъектность.

ЗАМАНАУИ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ КӨЗҚАРАСЫ БОЙЫНША ТЕКТІК ТИЕСІЛІЛІКТІҢ МАҢЫЗДЫЛЫҒЫ

Айман Жүсіпова ^{1*}, Жақсылық Сәбитов ²

¹ Еуразиялық адамдарды басқару орталығының жоба менеджері, саяси ғылымдар кандидаты, Алматы, Қазақстан, e-mail: zhusupova@ecpm.kz

² «Ұлыс Жошыны зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы Республикалық мемлекеттік кәсіпорны директорының м.а., PhD, Астана, Қазақстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

Аңдатпа. Заманауи Қазақстан қазақтарының арасында тарихи жадқа деген сұраныс артып келеді, бұл бірінші кезекте өз ата-бабалары, шежіресі туралы білуге деген ұмтылыстан көрінеді. Сонымен қатар, сарапшылар арасында бүгінгі таңда бұл білімнің қандай рөл атқаратыны туралы бірыңғай ұстаным жоқ. Осы тұрғыда үш көзқарасты атап өтуге болады. Біріншісі - бұл білімнің позитивті қуатқа ие болуы, ұлттық өзін-өзі тануды жандандыруы мүмкін, екіншісі - бұл білімнің практикалық маңызы жоқ, керісінше символдық мәнге ие екендігі, үшіншісі - руға бөліну қазақтардың арасына іріткі салуы мүмкін. Өз кезегінде, қарапайым қазақтар арасында бұл білім бүгінде ең алдымен өзін-өзі сәйкестендіруге, қазіргі шындықты жақсы түсінуге негіз болады, яғни идеологиялық немесе құндылық тұрғысында. Дегенмен, болашақта бұл білім әлеуметтік капитал тұрғысына ауысуы мүмкін.

Осыған байланысты, бұл білімнің болуы немесе болмауы қазақтар арасында құндылықты бөлуге негіз бола алады, сонымен қатар, қазақтардың текті тұқымын құруда ер адамдарға ерекше назар аудару бүгінде қазақ әйелдерінің белгілі бір наразылығын тудырып отыр, бұл әсіресе жастар арасында айқын көрінеді және, оның ішінде, негізгі құндылық тұрғысынан қазақтар арасындағы гендерлік теңсіздіктің кеңеюіне әсер етуі мүмкін. Соған қарамастан, қазақтар арасындағы тарихи жадының қайта өрлеуі, ел дамуының осы кезеңіндегі қоғамдық дамудың табиғи процесі, ал туындайтын қайшылықтарды шешу олардың ұжымдық түсіну процесінде өз шешімін табуда, атап айтқанда, біз қазақтар арасында әйелдер шежіресін, әйелдердің тегі бойынша шежірені құрудың талқыланатын тәжірибесі туралы айтып отырмыз.

Түйін сөздер: тарихи жады, рулық тиістілік, есте сақтау саясаты, жұмсақ күш, геосаяси субъективтілік.

THE IMPORTANCE OF TRIBAL AFFILIATION AMONG KAZAKHS IN MODERN-DAY KAZAKHSTAN

Aiman Zhusupova ^{1*}, Zhaksylyk Sabitov ²

¹ Project Manager of the Eurasian Center for People Management, PhD in Political Science, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhusupova@ecpm.kz

² Acting Director of the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi", PhD, Astana, Kazakhstan, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

Abstract. There is a growing interest among many contemporary Kazakhs in delving into their historical past, particularly in exploring their ancestors and lineage. However, there is no consensus among experts regarding the relevance of this knowledge in today's context. There are three viewpoints that can be identified on this issue. The first one is that some argue that such knowledge carries a positive charge and can contribute to the revitalization of national identity. The second viewpoint belongs to those who contend that these ancestral connections lack practical significance and are primarily symbolic. The third viewpoint asserts that there is concern that tribal divisions could potentially lead to internal discord among Kazakhs. For ordinary citizens, particularly among the Kazakh population, this knowledge serves as a foundation for self-identification and a deeper comprehension of current realities, primarily within an ideological or value-based area. Nevertheless, there is potential for this knowledge to evolve into social capital in the future.

In this context, the presence or absence of such knowledge could serve as a basis for value differentiation among Kazakhs. Moreover, the predominant focus on men in constructing Kazakh genealogy today is generating some discontent of Kazakh women, especially of the younger generation, and might contribute to widening gender disparities among Kazakhs in terms of core values. Nevertheless, the revival of historical memory in the current phase of the country's development is a natural progression of social evolution, while the resolution of emerging contradictions is already in progress through collective contemplation, particularly regarding the emerging practice of tracing female lineage among Kazakhs through the maternal line.

Keywords: *historical memory, patrimony, politics of memory, soft power, geopolitical subjectivity.*

Введение

Историческая память имеет значение как с точки зрения отдельно взятой личности, так и с точки зрения общества и государства.

С точки зрения государства, историческую память рассматривают в качестве необходимого условия сохранения и развития государственного и культурного суверенитета. Тогда как с точки зрения отдельной личности и общества в целом, историческая память рассматривается как основа формирования зрелых качеств гражданственности и патриотизма, которая также обеспечивает возможность идентификации и самоидентификации, создавая основу для национального единства и чувства общности, что имеет особое значение в периоды значимых социальных потрясений и трансформаций. [1] В этом контексте нельзя не согласиться с тем, что политика, в основе которой лежит историческая память, обеспечивает различные уровни общественной солидарности и этнической мобильности. [2]

Объясняя феномен исторической памяти, теоретики резонно указывают, что история каждого нового поколения начинается не с «чистого листа», а с того наследства, плохого или хорошего, которое ему оставили предки. И, в этой связи, историческая память, формируя понимание преемственности связей между поколениями и выступая важнейшим социокультурным феноменом, определяет как настоящее, так и будущее человека и общества. Потому, одной из важнейших задач исторической памяти является, во-первых, мобилизация его потенциала, а именно конструктивных культурных ресурсов [3]. Во-вторых, историческую память в этом контексте необходимо рассматривать и как источник для критического представления нации о самой себе. [4]

Отдельно стоит отметить, что сегодня именно историческая память все чаще становится инструментом современной политической борьбы, пространством, где решаются политические задачи. Исследователи отмечают, что в современной политике историческая память присутствует еще более зримо и плотно, чем непосредственная злободневная повестка, поскольку политика – это во многом прикладная история. [5]

«Политика памяти» становится все более значимым инструментом «мягкой силы», напрямую связанным с вопросами безопасности, выступая как в виде грозного оружия, так и в виде надежного фундамента, инструмента национального строительства и обеспечения геополитической субъектности.

Вследствие того, что историческая память может искажаться или подвергаться осознанному уничтожению или забвению, необходимым является не только ее формирование и сохранение, но и собственно охрана со стороны институтов культуры и государственных органов власти [6]. Данное утверждение справедливо и в отношении Казахстана, в котором сегодня запрос на осмысление, воссоздание исторической памяти начинает формироваться как со стороны общества, так и со стороны власти. При этом знание о родах, родовая принадлежность является одним из ее главных центральных аспектов. Исследователи Н.Омирбек, Ж.Небебаева, поддерживающие данную точку зрения, отмечают, что этноколлективная память, сохраненная в родовом делении, помогла сохраниться всему казахскому народу как этнокультурной общности [7]. Еще одним из аргументов в отношении актуализации родовой истории, обозначенная Р. Кареновым, является то, что знание своих корней помогает человеку противостоять цивилизационным вызовам, осознать ценность национальной идентичности, не раствориться и крепко стоять на ногах [8].

В современном Казахстане фиксируется растущий запрос на историческую память, что, в частности, А.Жанбосинова связывает с обретением суверенитета и, как следствие, кардинальной перезагрузкой научной парадигмы, когда «смена дискурсивных формаций» повлияла на развитие критицизма и запросе на объективность исследовательских практик в фокусе исторической памяти [9]. Как в научном сообществе, так и в рамках общественных обсуждений происходит переосмысление советского периода в истории, порожденного общественно-политическими трансформациями, на что указывал Галиев А. [10]. Значимая часть исследований исторической памяти посвящена Великой Отечественной войне, о чем, в частности, писали А.Абдулина [11], А.Жанбосинова, Р.Жаркынбаева [12], С.Асанова [13], А.Капаева [14], деятельности движения Алаш и национальной интеллигенции. В частности, это работы С.Кенжебаевой [15], А.Мусагалиевой [16], Д. Толгамбаева [17], З.Садвокасовой [18] и др. Отдельное место занимает тема Голодомора [19]. Значимое число научных работ посвящено вопросам формирования идентичности в уже современном Казахстане. Среди них работы К.Медеевой, Ж.Нурбаева [20] и др. авторов.

В числе обсуждаемых вопросов роль государства в формировании исторической памяти, что из событий прошлого сегодня сокрыто от глаз общественности, и в целом вопросы о том, насколько важна историческая память. В частности, Г. Султангазы и Л.Мукатаева указывают, что общество зачастую испытывает недоверие к официальной исторической науке и находится в ожидании той истории, которая совпала бы с его представлениями о прошлом и способствовала бы пониманию себя в настоящем [21].

Распространение, с одной стороны, получает точка зрения, что историческая память приведет к архаизации сознания граждан, с другой – растёт осязаемый запрос на осмысление своего исторического прошлого, которое проявляется, в том числе в интересе к своей генеалогии, развитии родологии, росте популярности исторических фильмов, передач, подкастов, на исторические темы. Так, А.Дерендяева [22] указывает, что сегодня в Казахстане кинематограф выступает некой «точкой сборки» исторического прошлого, одним из инструментов политики идентичности и политики памяти. Тогда как В.Ключарова [23] относит к ключевым средствам трансляции исторического знания в Казахстане в первую очередь памятники национальным героям/событиям; школьные и вузовские учебники по истории Казахстана; наименования населённых пунктов, улиц; государственные праздники.

Учитывая всю разнонаправленность дискуссий на этот счет, а также исходя из указанных характеристик феномена исторической памяти, возникает вопрос о том, как на сегодняшний день воспринимают значимость исторической памяти казахи в Казахстане, какие смыслы они вкладывают в это понятие? Данные вопросы мы рассматриваем сквозь призму восприятия такого традиционного казахского института как родовая принадлежность, которая согласно распространённому мнению, «заложено в ДНК любого казаха, поскольку у казахов повсеместно широко практиковалась генеалогия» [24].

Вопросами в этом ключе будут: «Какое смысловое наполнение вкладывают казахи в этот институт? Играет ли он на сегодняшний день какую-либо практическую значимость, с их точки зрения, а также какие угрозы несет его актуализация в общественном сознании казахов?». На наш взгляд именно институт родовой принадлежности является самым главным индикатором восприятия традиционных казахских ценностей.

Методология и методы исследования

В данной статье представлены результаты качественного исследования: фокус- групповых исследований, проведенных с жителями двадцати городов Казахстана в мае-июле 2024 года, целью которого являлось исследование политики национального строительства и процессов формирования идентичности в казахстанском обществе. При этом акцент в первую очередь был сделан именно на качественные виды исследований, которые необходимы для изучения опыта, мотиваций, восприятия людей. В рамках данного исследования данные фокус-групп позволили не только изучить значения и смыслы, которые люди приписывают рассматриваемому институту родовой принадлежности, а также связанному с ним социальными нормами, но и выявить новые проблемы, которые будут требовать дальнейшего осмысления. Выбор фокус-группы, как первоочередного инструментария исследования, был обусловлен и тем, что они предоставили возможность выделить области консенсуса или споров в сообществе, а также диапазон социальных установок (аттитюдов), которыми приемлемо делиться в группе.

Вместе с тем, исходя из необходимости получения полной картины, нами были использованы и данные количественных исследований – социологического опроса, проведенного в 2016 году исследовательской командой Института мировой экономики и политики (ИМЭП), в число которой

входила и автор данной статьи: «Казахи в современном Казахстане: динамика ценностных, культурных установок». Результаты данного исследования были представлены в журнале «Казахстан в глобальных процессах» от 2016 года в № 4 [25].

Обзор литературы

Рассуждая о значимости знаний о родовой системе казахов на сегодняшний день, исследователи выделяли собственные аргументы на этот счет и анализировали существующие. Среди них были как позитивные, так и негативные эффекты, наряду с точкой зрения о том, что данные знания не несут сколь-нибудь значимой, в том числе, практической составляющей.

Среди позитивных аспектов реконцептуализации родového деления среди казахов З. Наурызбаевой были указаны реализация базового социального капитала в виде тех социальных связей, которыми человек наделен в родовом обществе, а также культурного капитала, позволяющего обладать неким статусом и даже властью. Кроме того, родословная может представлять культурный и социальный капитал не только в Казахстане, поскольку генеалогия была характерна только для аристократов. Отдельно исследователь выделила и другие существующие аргументы на этот счет, среди которых: сохранение истории предков, взаимное узнавание, общение потомков одного предка; сохранение древнего обычая, идущего из глубины тысячелетий, способ уберечь потомство от близкородственных браков [26].

В числе других аргументов актуализации знаний казахами о родовой системе, интегрированности в нее, историк Х. Омар считает обеспечение преемственности поколений, поскольку в купе со своей историей, национальной особенностью человек познает окружающий мир и определяет свое место в нем [27]; повышение социальной ответственности и национального самосознания, возрождение в современном обществе традиционных норм социальной жизни – взаимопомощи, ощущения единства, общности людей и приоритет общественных ценностей. Данные свойства рода или родовой системы, по мнению сторонников данной точки зрения, обусловлены ее характеристиками: четко организованным внутренним порядком, морально-этической базой, внутренним саморегулирующим механизмом, а также способностью к самоорганизации.

Известный историк Р. Темиргалиев указывает, что знание истории племен важно знать, чтобы понимать историю казахов, поскольку очень многие события и процессы в истории традиционного казахского общества объясняются взаимоотношениями родов и племен, сплетением и противоречиями в их интересах [28]. Другой точкой зрения является мнение лингвиста Д. Ельдесова о том, что род может сыграть неопределимую роль в возрождении гражданского общества, переживающего глубокий внутренний кризис [29] и способствовать формированию нации. Тогда как исследователь М. Зиманов считает, что историческая память титульной государствообразующей нации необходима для реального суверенитета страны. В свою очередь изучение казахской цивилизации кочевников должно основываться на «принципе крови», то есть преемственности родов, поколений и традиций. «История наших предков дает нам возможность противостоять имперской традиции соседей, их идеологической экспансии» [30], – подчеркивает исследователь.

Тогда как среди ученых, воспринимающих значимость родового деления среди казахов на сегодняшний день более сдержанно, аргументами являются мнения о том, что на данный момент принадлежность к роду не дает ничего материального. Кроме того, по мнению историка Ж. Сабитова, в иерархии идентичностей родовая идентичность уступает общенациональной и, в некоторых случаях, религиозной идентичности [31]. Р. Темиргалиев солидарен с этой точкой зрения, указывая, что в современном казахском обществе рода и племена — это в большей степени символические сообщества. Он также делает акцент на систему идентичностей и отмечает, что большую роль играет не род, а землячество, территориальная принадлежность [32].

Третью группу составляют исследователи, которые идентифицируют родовую принадлежность с трайбализмом. Они отмечают, что сегодня родоплеменная солидарность, теряя первоначальное значение, приобрела некоторые другие черты и содержание. «Сформировавшиеся много веков назад родоплеменные союзы и сегодня влияют на расстановку сил в политике и экономике, используются для установления и поддержания лояльных отношений, продвижения своих интересов» считает группа исследователей, среди которых Б.Шакеева, М.Шайкемелев, Н.Айтымбетов [33].

Этой же точки зрения придерживается Д. Ельдесов, который отмечает, что «кадровая политика многих руководителей самого разного калибра до сих пор определяется по принципу родовой принадлежности и личной преданности» [34], историк А. Нурекеев [35]. Среди сторонников данной точки зрения можно отметить также С.Кондыбай, который считал, что древнейшие пласты шежире носят мифологический или квазиисторический характер, кроме того, он испытывал опасения, что данная тема может выступить фактором разобщения, влияя на раскол казахского народа [36].

Родовая принадлежность, родовое деление среди казахов также являлось темой для изучения и зарубежных исследователей. В частности, в 1966 году Л.Н. Гумилев оценивал родовое деление конструктивно, исходя из того, что оно, во-первых, необходимо для сохранения экзогамии, предотвращающей кровосмесительные браки. Во-вторых, на его взгляд, путем разделения на группы, эффективно регулировались коллективы, в том числе в отношении выражения воли соплеменников на народных собраниях, создания устойчивых союзов для ведения внешних войн [37].

Также позитивно оценивает наличие родовой структуры исследователь Стасевич И., считая, что она обеспечивает сохранение традиций самоорганизации казахского общества. Он подчеркивает, что эти знания не были утрачены, несмотря на усилия российских властей во второй половине XIX в. и советской власти. И по-прежнему являются одной из важнейших основ этнической культуры [38]. Другие зарубежные исследователи, также поддерживая мнение, что эти знания продолжают существовать и в настоящее время, считают, что их проявления относятся не только к культурной сфере современного казахов, но и проникают в другие сферы жизнедеятельности современного общества в Казахстане. В частности, исследователь Э.Шатц, считает, что данные знания, развиваясь латентно, сохраняются во властных структурах. В этой связи он считает более правильным подходом выводить их в свет, проявлять, сознательно интегрируя в политику [39]. Ю.Дорожкин и Р. Игбаев отмечают, что ретрадиционализация на современном этапе, возрождая архаичные формы казахской культуры и проявляясь в клановости,

тормозит модернизацию политической системы страны и формирование общегражданской идентичности [40]. Таким образом, среди зарубежных исследователей феномена также нет единого мнения в отношении оценок влияния родового деления на жизнь современного Казахстана.

Результаты исследования и их обсуждение

Значимость традиционных казахских институтов: тенденция на рост

Количественное исследование, или опрос на основе республиканской выборки, проведенный ИМЭП в 2016 году, продемонстрировал, что информированность казахов о том, к какому роду относится их семья, является сравнительно высокой (90,1%). В то же время, уровень осведомленности об известных людях, относящихся к их роду, значимо меньше – 36%. Данный индикатор рассматривался как показатель достаточно глубоких знаний казахов об истории своего рода, с которым они себя идентифицируют.

О семи поколениях своих предков были информированы в период проведения исследования 60% казахов. Тогда как о родах, исторически проживавших в местности, где они родились, были осведомлены на хорошем уровне 50% казахов.

По итогам проведения проекта: «Казахи в современном Казахстане: динамика ценностных, культурных установок» исследовательская команда пришли к выводу о том, что в казахском социуме нет единой преобладающей позиции о важности или значимости родовой принадлежности. Согласно представленным данным, 83% или доминирующая часть казахов интересовались своей родовой принадлежностью в силу любопытства, желания узнать свою генеалогию, а также исходя из установки о необходимости знания казахской истории. 11% проявляли безразличие к этой теме. И только 6% считали, что эти знания понадобятся в практической плоскости, с точки зрения взаимоподдержки людей, объединенных принадлежностью к единому роду.

В то же время, согласно данным исследования, 23% казахов или практически каждый четвертый казах в 2016 году указали, что родовая принадлежность помогала им при решении каких-то проблем, что, безусловно, является очень высоким показателем. В разрезе социально-демографических характеристик речь большей частью шла о казахов преимущественно пенсионного возраста, в региональном аспекте – гражданах западного региона страны.

В рамках исследования также были рассмотрены и установки казахов о влиянии родовой принадлежности на единение и солидарность казахов. 35% казахов отрицали наличие хоть какого-то влияния рассматриваемого фактора, 25% – считали, что он оказывает положительное влияние, 17% напротив, считали, что он оказывает деструктивное влияние, и 23% затруднились со своим мнением на этот счет. Точки зрения, что деление на роды разобщает казахов, больше придерживались сельские казахи (+12,6%).

В иерархии идентичностей, родовую идентичность как приоритетную в 2016 году выделили только 3% казахов, приоритетнее была гражданская - 76% и этническая принадлежность - 18% [41].

Безусловно, можно предположить, что с момента проведения указанного исследования значимость традиционных институтов для казахов существенно возросла, об этом свидетельствуют множественные косвенные показатели,

такие как рост числа книг, электронных ресурсов, посвященных родословной казахов, в числе которых можно указать мобильное приложение «Жеті ата», рынок сувенирной продукции, декоративно-прикладного искусства, связанного с родословными [42].

В этом контексте актуальным представляется проведение аналогичного исследования и сегодня, по истечении восьми лет с момента проведения указанного исследования, что дает понимание динамики трансформации ценностных установок казахов, их восприятия значимости традиционных институтов, и их влияния на современную жизнь. А также вызовов и возможностей, которые несет в себе ренессанс рассматриваемых институтов с точки зрения самих казахов.

Установки казахов о важности знания генеалогии своего рода

Данные качественного исследования, проведенного в 2023 году, позволяют понять всю палитру существующих в казахском обществе мнений, связанных с вопросами о том, важны ли знания о предках и почему.

Обобщенные данные позволяют выделить ряд аргументов, почему казахи считают знания о предках важными:

- ✓ Эти знания объединяют конкретно взятую семью и в целом казахов;
- ✓ Знания о предках дают понимание об истории народа;
- ✓ Это часть казахской истории и национальной идентичности;
- ✓ Это казахская национальная особенность;
- ✓ Знание генеалогии рода препятствует кровосмешению и влияют на сохранение здоровья нации.

«Это с медицинской стороны очень правильно знать. Еще как говорится в народе: «Тот, кто не знает предков тот – сирота». Например, только сейчас в мире ученые с помощью исследований поняли то, что у нас было известно издавна, что рождение детей в браках между родственниками, ведет к рождению больных детей». (М., 47, М, К., Семей).

✓ Знание своих предков характеризует личность как благородную, а казахов как благородный народ.

✓ Знание своей генеалогии формирует мировоззрение личности, формирует его встроенность в текущую реальность.

«Знать историю своего рода, очень важно, это национальная идентичность. Я считаю то, что это дает нам понимание, кто мы такие. А знать мы это можем, только зная, кем были люди до нас, наши предки. Я знаю тяжёлую участь моих предков в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы прошлого столетия, то есть историю всех предков. Естественно, это не могло сказаться на определённых моих взглядах, отношении к тем или иным историческим событиям, не только регионального, но и в целом всемирного масштаба также. (М., 19, М, К., Павлодар).

✓ Эти знания позволяют сохранять «планку», ориентироваться на своих предков в отношении выстраивания жизненных стратегий, равняться на авторитетнейших людей из рода, воспринимая их как ролевую модель.

«У нас очень уважаемая семья в нашей деревне. И поэтому с детства меня учили тому, что я должна знать кем были мои предки, кем были мои прабабушки, прадедушки, чтобы скажем так сохранять имя нашей семьи, чтобы я не теряла планку, и чтобы знали свои корни. Чтобы я была горда, и ни в коем случае нельзя опускаться ниже». (Ж., 19, М., К., Костанай).

✓ Сохранение народных традиций, которыми, в том числе, являются знания о предках, представляют собой гарантию сохранения будущего нации, ее целостности.

«Тот, кто не знает своей истории, является безродным». (М., 21, К., Алматы).

«Если не сохранить народные традиции – то у нас не будет будущего. Мы очень богаты традициями, по сравнению с другими народами». (М., 43, П., К., Актау).

✓ Знание истории своих предков — это долг каждого казаха, которые должны передаваться потомкам в будущем.

Также была высказана точка зрения о том, что знание своей родословной — это не столько неосмысленная зубрежка имен предков, сколько знание истории рода, которая позволит «не ошибиться и не заблудиться в жизни».

«Многие из нас неверно понимают знание своих предков, это не просто выучить их имена, наряду с этим надо знать, в какую эпоху они жили, какие были их современники, какая была политика в те времена, какие были проблемы, что было там, голод или война, в общем, знать историю их жизни. Если взять средний возраст человека в 30 лет, и если он знает историю длиной в 2 столетия, то он никогда в жизни не ошибется и не потеряется. Сегодня в основном мы только знаем, как зовут наших батыров, но кто были их отцы нам неизвестно, 90 из 100 человек не знают этого». (М., 45, М, К., Кокиетау).

Понимание значимости рассматриваемых знаний демонстрирует тот факт, что один из участников исследования планирует проводить мероприятия по аналогу с теми, которые когда-то были проведены его предками.

«Я происхожу из рода Алтай и далее Мойын, затем Аралбай — он являлся батыром, на земле Жана Арки ежегодно проводил кокпар, скачки. Он является моим предком в 8 колене, возможно, мы его потомки тоже будем проводить такие мероприятия» (М., 35, М, К., Астана).

В рамках исследования лишь небольшая часть участников отметила, что данные знания не имеют особой важности, поскольку подобного рода знания разобщают казахское общество, поскольку в нем и так существует большое количество стереотипов в отношении тех или иных родов, которые влияют на предвзятое отношение, или, напротив, кумовство, nepoтизм.

«На данный момент, мне кажется, это не особо важно. Хотя с одной стороны важно, что да, это национальная идентичность, с другой стороны это все равно разделение людей. Это влияет на распространение стереотипов, еще больше влияет на деление. «Вот ты найман, ты хитрый» и т.д. И вообще на сегодня мы уже не кочуем нам это, по-моему, уже не практично». (М., 30, П., К., Алматы).

Отдельно стоит отметить, что интерес к собственной родовой принадлежности во многом обусловлен и существующим общественным курсом, который, в частности, транслируется в школах, где на занятиях у школьников просят нарисовать генеалогическое древо их семьи.

«У меня у детей тоже был вопрос: «знаете ли вы свои семь поколений прадедов?». И приходит после урока и у меня спрашивает про семь поколений предков. И мне было стыдно – я сам не знаю свои семь прадедов. Я тоже в детстве рано остался без родителей. И только в течение года я, переспросив у всех родственников и у нагашы, все разузнал». (М., 32, М., К., Семей).

Источниками информации выступают не только истории представителей старшего поколения рода, передающие данные о предках из поколения в поколение, но и собственные исследовательские работы, для чего используются книги разных авторов, данные архивов. Вместе с тем, участники исследования отмечали, что проблемой порой является противоречивость информации.

«Я владею информацией о своих предках до седьмого колена, также изучал более раннюю историю своего рода. Прочел книгу про род Арғын, в этой книге очень много полезной для меня информации, также много знаю по рассказам моих родственников. После прочтения книги, я начал более глубже изучать свой род, уже не по рассказам родни, а самостоятельно ищу информацию и в других книгах, так как чем старше мы становимся, тем больше хочется изучать историю своих предков. Я сейчас веду маленькую исследовательскую работу по изучению своего рода». (М., 35, М. К., Астана).

Таким образом, согласно полученным данным, знания о родовой принадлежности для казахов, проживающих в городах Казахстана, воспринимаются в нескольких плоскостях.

Во-первых, как символический капитал, рост которого очевиден даже в условиях городского населения, характеризующегося большей ориентацией на индивидуалистические ценности.

Во-вторых, как знания, которые влияют на ценностный ряд, определяют мировоззрение, как на личностном, так и на национальном уровне. Озвучивались мнения о том, что известные люди – выходцы из их рода представляют для участников исследования ролевые модели, фигуры, на которые они ориентируются и кем гордятся. Тогда как на национальном уровне историческая память, воплощенная в родовом разделении казахов, формирует понимание и встроенность в текущую геополитическую реальность, воспринимается как фактор, формирующий понимание национальной идентичности казахов, казахской уникальной особенностью.

В то же время, если говорить о влиянии знаний о предках, родовой принадлежности на практическое поведение граждан, то на сегодняшний день оно является низким или минимальным. В частности, никто из участников исследования не указывал, что обладание информацией о родовой принадлежности каким-то образом влияет или определяет их поведенческие стратегии в повседневной жизни. Тем не менее, очевидно, что есть небольшая часть людей, которые ориентируются на модели поведения своих предков и пытаются воссоздать их в текущих реалиях. Речь, в частности, шла о проведении спортивно-развлекательных мероприятий, по аналогу с теми, которые когда-то проводились предками. То есть речь скорее идет о том, что данные знания также воспринимаются в контексте символического капитала.

Проблемы, связанные со знанием/незнанием своей генеалогии

В рамках исследования, участники высказали несколько проблемных аспектов, связанных со знанием или незнанием информации о своих предках.

Во-первых, были выказаны опасения, что дети, рожденные в неполных семьях, или сироты, могут не обладать подобной информацией. Данная ситуация приобретает особую значимость в связи с растущей, по мнению участников исследования, значимостью информированности о собственной генеалогии среди казахов, а также ростом числа неполных семей в стране. Более того, нужно указать, что уже сейчас все чаще звучит точка зрения о

том, что знание своей генеалогии – это социальный и культурный капитал, а незнание, напротив, воспринимается уничижительно. В частности, в рамках исследования несколько раз указывалось, что такие люди являются «безродными», «неучами». Можно предположить, что данная тенденция будет получать все большее распространение и действительно может влиять на ценностный раскол среди казахов.

«Здесь есть еще одна проблема. Часто в семьях детей после развода матери забирают детей, и отрывают их от корней, от родных и он растет не зная своего рода, и не знает своих предков, не знает своей истории. И такая новая проблема порождается в нашем обществе». (Ж., 51, М., К., Семей).

Во-вторых, акцент делали и на том, что родовое деление является искусственным разжиганием родового антагонизма и соперничества среди казахов.

«Я тоже считаю, что казахи состоят из родов, но делиться на этой почве нельзя! У нас здесь редко спрашивают род, но в других областях часто. И часто стараются высказываться в негативном ключе. Нельзя допустить, чтобы это передалось детям. Надо чтобы среднее поколение эту заразительную привычку не передало новому поколению. И еще недавно Президент высказался: что собираться в «команды», подтягивать людей из «своего рода» - такие вещи тоже надо искоренять». (Ж., 51, М., К., Семей).

Отдельное значение в контексте генеалогии, знаний о своих предках, имел и гендерный аспект. В рамках исследования часть женщин, прежде всего из числа молодежи, указывали на «несправедливость» того, что в казахскую генеалогию, «шежире» включены только представители мужского пола. Одна из участниц, самостоятельно инициировала семейное расследование и составила родословную по женской линии. Данный подход позволил ей выстроить общее представление об истории своей семьи.

В рамках исследования были обозначены две точки зрения на счет значимости информированности о своих предках с точки зрения гендерного аспекта.

Так, часть участниц исследования указали, что, поскольку они являются женщинами, обладать информацией о своих предках им не обязательно, поскольку, на их взгляд, знание своей генеалогии, родословной – прерогатива мужчин. Участницы из этой группы, вместе с тем, подчеркивают, что их дети мужского пола в обязательном порядке получают подобного рода информацию от своих отцов. То есть данная группа женщин, не обладая информацией о предках, вместе с тем, подчеркивают ее значимость для мужчин. Можно предположить, в основе данной позиции лежит установка о том, данные знания носят формальный характер, и не имеют столь большого значения в повседневной жизни, выступая скорее данью традициям.

«Мне кажется, сейчас это заново начинает возрождаться. Наши родители росли в советское время, и это все стерлось, хотя возможно южные регионы придерживались в то время. Я тоже знаю предков до 7 колена не знаю. Я Кожя, мы вне системы родов. Я вот знаю только своего дедушку, прадедушку я уже не знаю. Считаю, что потому что я женщина, это не так важно. Но мои дети, старший сын - он знает предков, у дедушки своего все спрашивает. В школе у них - он учится в казахской школе, преподаватель спрашивает про предков, откуда дети знают своих дедов, а раньше такого не было». (Ж., 37, М., К., Караганда).

Напротив, другая группа из числа женской аудитории участников исследования, аргументированно и убежденно отстаивают точку зрения о необходимости знаний о своих 7 поколениях предков, в том числе и для женщин:

«Девушки тоже должны знать свою родословную, потому что в будущем они станут матерями мальчиков». (Ж., 25, М., К., Семей).

«Знание имен предков полезно при замужестве, чтобы не оказаться близким родственником своему мужу, чтобы избежать кровосмешения». (Ж., 21, К., Алматы).

«Каждый казах должен знать свою родословную до 7 колена». (Ж., 19, М., К., Костанай).

Таким образом, растущий запрос на реактуализацию исторической памяти, роста интереса к генеалогии, шежире среди казахов, влечет за собой и рост определенных негативных аспектов, таких как, в частности, ценностный раскол между теми казахами, кто обладает и теми, кто не обладает указанными знаниями.

Данная ситуация приобретет еще большую остроту, если данные знания в перспективе будут определять социальный и культурный капитал их носителей. При этом нужно учитывать реалии современного Казахстана - рост неполных семей, когда дети объективно не могут быть осведомлены о шежире по мужской линии, и в целом, существующую ситуацию, когда знания о родовой структуре многих казахов были утеряны вследствие исторических событий.

Кроме того, рост интереса к исторической памяти и шежире, формируемый по мужской линии среди казахов, актуализирует и вопросы гендерного неравенства среди казахов. Тем не менее, в текущих реалиях, данный вопрос приводит и к развитию нового направления исторической памяти, когда женщины начали формировать современные шежиры и по женской линии, так называемые «Жеті апа».

То есть данный аспект не привел к росту конфликтного потенциала, а напротив зложил основы для большего исследования исторической памяти казахов.

Заключение (выводы)

Таким образом, исследование, демонстрирует, что, среди казахов растет интерес к собственной родословной, истории своей семьи, в целом, к исторической памяти, и этот интерес во многом носит осмысленный характер. Участники исследования аргументируют необходимость знаний своей родословной, но не с точки зрения применения их в качестве социальных связей, которые могли бы помочь им продвинуться в жизни, а, скорее, исходя из убеждения, что данные знания выступят возможностью, как для национальной идентичности, так и собственной самоидентификации, лучшего понимания текущей реальности, формирования мировоззрения как на личном, так и на национальном уровне, а также выстраивания ролевых моделей, исходя из ориентации на наиболее известных, знаковых представителей своего рода. То есть, если рассматривать значимость данного рода знаний в текущих реалиях, то они больше лежат в декларируемой ценностной плоскости, и все больше начинают приобретать определенный символический капитал, который очевиден даже в условиях городского населения, характеризующегося большей ориентацией на индивидуалистические ценности.

Вместе с тем, с учетом растущего запроса на реактуализацию исторической памяти, квинтэссенцией которой является изучение собственной генеалогии, информации о своем роде, можно предположить, что подобного рода знания будут обретать все большее значение и переходить в плоскость социального капитала. При этом речь не идет о трибализме, основанном на родовых связях, который, по мнению некоторых исследователей, имеет место в политике или крупном бизнесе. Исследование, на основе которого были сделаны указанные выводы, было проведено среди рядовых граждан – казахов, проживающих в городах Казахстана.

В этой связи, они могут представлять и определенные угрозы с точки зрения ценностного раскола между теми казахами (между теми, кто обладает и не обладает подобного рода информацией). Это особенно актуализируется в связи с растущим числом неполных семей в Казахстане, а также утерей значительной частью граждан информации о своей генеалогии в силу исторического прошлого страны.

При этом необходимо отметить, что в стране начинает складываться свой рынок генеалогических услуг, связанных с восстановлением генеалогии (шежире) как через книги-шежире или архивные данные, так и через генетическое тестирование, которое в отдельных случаях позволяет реконструировать генеалогию человека, не знающего свое происхождение.

Отдельно стоит отметить и тот факт, что подход, связанный с выстраиванием генеалогии, основываясь только на информации о мужчинах уже сегодня сталкивается с определённым недовольством женской аудитории. При этом часть из них отрицает значимость данного рода информации, тогда как другая – начинает самостоятельно собирать материалы о женщинах своего рода, формируя новое направление исследования исторической памяти, т.н. шежире «Жеті апа». То есть можно сказать, что в данном направлении происходит разрешение возникающих противоречий, связанных с ренессансом исторической памяти среди казахов.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования и источника финансирования (Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан). ИРН BR21882266 «Исследование исторической памяти населения и политики национального строительства в Казахстане за годы Независимости» РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Мазур Л. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243-256.
2. Прасолов Д. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. №2. С. 67–82.[Электронный ресурс] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>
3. Мысливец Н., Романов О. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 18/1. С.9-19
4. Корнющенко-Ермолаева Н. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. №3 (38). С.32-51.

5. Бордюгов Г.А. Изучение «политики памяти» – задача научная или политическая? *Международная аналитика*. 2020;11(3):151-158. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-151-158>
6. Воденко К., Черных С. Историческая память как инструмент государственной политики в сфере высшего образования: национальный контекст и региональные аспекты // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2022. №13 (15).
7. Омирбек Н., Небесаева Ж. Воспитательное значение традиций и обрядов в казахской национальной культуре. *Наука и образование: Новое время*. № 1 (1) Год: 2014 Страницы: 28-33
8. Каренов Р. Шежире в жизни степняков. *Республиканский общественно-политический журнал «Мысль»* от 05.04.2023 mysl.kazgazeta.kz/news/15940
9. Жанбосинова А. Историческая память о великой отечественной войне в пространстве Казахстана // *Исторический курьер*. 2022. №1 (21). С. 133-144 [doi:10.31518/2618-9100-2022-1-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-13)
10. Галиев А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altai* 2(3.1) 2016
11. Ученые Казахстана приняли участие в острой дискуссии о проблемах исторической памяти. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://toppress.kz/article/uchenie-kazahstana-prinyali-uchastie-v-ostroi-diskussii-o-problemah-istoricheskoi-pamyati>
12. Жаркынбаева Р. Великая Отечественная война как элемент исторической памяти казахстанцев//PRIMO ASPECTU. 2018. №1(33). С. 48–55.
13. Асанова С. Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941-1945) // *Мир Большого Алтая*. 2019. №5 (2).
14. Капаева А. Историческая память о войне в Казахстане // *Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Изд-во «Параллель»*. 2020. С. 34-45
15. Кенжебаева С.Е. Представители Алашской интеллигенции и Советская власть // *Вестник АГТУ*. № 2 (52). 2011. С. 144-153.
16. Мусағалиева А. Заки Валиди и национальная интеллигенция Казахстана // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2010. №1. С. 48-58.
17. Толгамбаева Д. Память об Алаш в публичных пространствах // *Вестник ЕНУ имени Л. Н. Гумилева*. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2019. №2 (127).
18. Садвокасова З. Наследие алашской интеллигенции по проблемам просвещения казахских детей (в контексте казахской государственности) // *Мир Большого Алтая*. 2018. №4 (3).
19. Акимбеков С. «Казахи между революцией и голодом» Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2021., 584 с.; Камерон С. «Голодная степь». 2020., М., 360 с. DOI:10.25285/2078-1938-2023-15-3-156-160
20. Медеуова К. Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичностей // *Современные образовательные технологии в преподавании естественно-научных и гуманитарных дисциплин: сборник научных трудов II Международной научно-методической конференции // Национальный университет «Горный»*. Санкт-Петербург, 2015. С. 467-471.; Нурбаев Ж. Коллективная память в контексте формирования национальной идентичности (к постановке проблемы) // *Международной научно-практической конференции «Проблемы изучения истории Казахстана в русле идеи Президента РК Н.А. Назарбаева «Мәңгілік Ел», 26 сентября 2014 г. Астана*. 2014. С. 34-39.
21. Султангазы Г., Мукатаева Л. Историческая память в условиях современного Казахстана: поиски героев и смыслов Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева. г. Нур-Султан, Казахстан. «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы № 2(22). 2020
22. Дерендяева А. Голод 1930-х годов в Казахской (Казахской) АССР: влияние современного кинематографа на конструирование идентичности // *Исторический курьер*. 2022. №1 (21). -kinematografa-na-konstruirovaniie-identichnosti (дата обращения: 12.04.2024).

23. Ключарева В., Корусенко С. Модернизация исторической памяти и национальной идентичности в республике Казахстан: средства формирования и трансляции // ВААЭ. 2023. №3 (62).
24. Хегай М. В чем сила казахского рода – историк. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.caravan.kz/news/v-chem-sila-kazakhskogo-roda-istorik-922878/> (дата обращения: 12.04.2024).
25. Жусупова А. Казахи в современном Казахстане: динамика ценностных, культурных установок // Казахстан в глобальных процессах. 2016. № 4. С. 63-75.; Жусупова А. Как казахи относятся к религии, родовым отношениям и чего боятся? 2017. [Электронный ресурс] Central Asia Monitor URL: <https://samonitor.kz/26497-kak-kazahi-otnosyatsya-k-religii-rodovym-otnosheniyam-i-chego-boyatsya.html>
26. Наурызбаева З. Родословные «шежіре» как форма коллективной памяти. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://otuken.kz/rodoslovnyye-shezhire-kak-forma-kollektivnoj-pamyati/>
27. Омар Х.: почему богатые казахи имели несколько жен. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://qazaquni.kz/kogam/80295-hakim-omar-pochemw-bogatye-kazahi-imel>
28. История казахских племен: как «ру» влияли на формирование народа и государства. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://tengrinews.kz/article/istoriya-kazahskih-plemen-ru-vliyali-formirovanie-naroda-2271/>
29. «Тюркский семинар» в культурной жизни Алматы. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://qazaquni.kz/ru/162519-tyurkskii-seminar-v-kulturnoi-zizni-almaty>
30. Зиманов М. Историческая память Казахстана. 2013 [Электронный ресурс] URL: <https://aityn-orda.kz/istoricheskaya-pamyat-kazakhstana/>
31. Сабитов Ж. Трайбализм умер вместе с кочевым обществом. 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://vlast.kz/avtory/14808-trajbalizm-umer-vmeste-kocsevum-obsesvovm.html>
32. История казахских племен: как «ру» влияли на формирование народа и государства. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://tengrinews.kz/article/istoriya-kazahskih-plemen-ru-vliyali-formirovanie-naroda-2271/>
33. Шакеева Б., Шайкемелев М., Айтымбетов Н. 2020. Родовые отношения в Казахстане: возрождающаяся традиция или социальный инструмент? -Центральная Азия и Кавказ. Т. 23. № 4. С. 36-45.
34. Ельдесов Д. Место родовой системы - интересы нации. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://adyrna.kz/ru/post/101655>
35. Нурекеев А. Национализм не имеет корней в менталитете у казахов или почему в Казахстане гражданином быть опасно // DAT. 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://datnews.info/natsionalizm-ne-imeet-korney-v-mentalitete-kazahov-ili-pochemu-v-kazahstane-grazhdaninom-byit-opasno-prodolzhenie-nachalo-v-za-22-29-oktyabrya-2015-g/>
36. Наурызбаева З. «Шежіре дегеніміз далбаса». Серікбол Қондыбай. 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://otuken.kz/shezhire-degenimiz-dalbasa/>
37. Гумилев Л.Н. О термине «этнос». Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г. // Доклады Географического общества СССР. 1967, вып.3 стр. 3-17. Л. Н. Гумилёв. О термине «этнос» (kulichki.net)
38. Стасевич И.В. Традиционные представления о возрастных и социальных статусах в современном казахском обществе (по материалам экспедиций в Западный Казахстан) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 149–153.
39. Schatz E. Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond. Seattle: University of Washington Press, 2005. P. 168
40. Дорожкин Ю., Игбаев Р. Роль политических традиций в современном политическом режиме Республики Казахстан // Власть. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-politicheskikh-traditsiy-v-sovremennom-politicheskom-rezhime-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 02.09.2024).
41. см. 25
42. Наурызбаева З. Родословные «шежіре» как форма коллективной памяти. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://otuken.kz/rodoslovnyye-shezhire-kak-forma-kollektivnoj-pamyati/>

References:

1. Mazur L. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamjati [Images of the past: shaping historical memory]/ L. N. Mazur // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2013. № 3 (117). pp. 243-256.
2. Prasolov D. Kommemorativnyye praktiki v sovremennoy Kabardino-Balkarii [Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria] // Neprikosnovennyi zapas. 2017. №2. S. 67–82.
3. Myslivec N., Romanov O. Istoricheskaja pamjat' kak sociokul'turnyj fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Historical memory as a sociocultural phenomenon: experience of sociological reconstruction]// Vestnik RUDN. Serija: Sociologija. 2018. No.18/1. pp. 9-19
4. Kornjushhenko-Ermolaeva N. Kollektivnaja istoricheskaja pamjat': osnovanija vydelenija ponjatija i rol' v sovremennoj kul'ture [Collective historical memory: the basis for the concept and its role in contemporary culture] // Vektory blagopoluchija: jekonomika i socium. 2020. No.3 (38). pp. 32-51.
5. Bordjugov G.A. Izucheniye «politiki pamyati» – zadacha nauchnaya ili politicheskaya? [Is studying the “politics of memory” a scientific or political task?] // Mezhdunarodnaya analitika. 2020;11(3):151-158. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-151-158>
6. Vodenko K., Chernykh S. Istoricheskaya pamyat' kak instrument gosudarstvennoy politiki v sfere vysshego obrazovaniya: natsional'nyy kontekst i regional'nyye aspekty [Historical memory as an instrument of state policy in the field of higher education: national context and regional aspects] // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. №13 (15).
7. Omirbek N., Nebesayeva ZH. Vospitatel'noye znachenije traditsiy i obryadov v kazakhskoy natsional'noy kul'ture. [Educational significance of traditions and rituals in Kazakh national culture] // Nauka i obrazovaniye: Novoye vremya. № 1 (1) God: 2014. pp.: 28-33
8. Karenov R. Karenov R. Shezhire v zhizni stepnyakov. [Shezhire in the life of the steppe people] // Respublikanskiy obshchestvenno-politicheskiy zhurnal «Mysl'» ot 05.04.2023 mysl.kazgazeta.kz/news/15940
9. Zhanbosinova A. Istoricheskaja pamjat' o velikoj otechestvennoj vojne v prostranstve Kazahstana [Historical Memory of the Great Patriotic War in the Space of Kazakhstan] // Istoricheskij kur'er. 2022. No.1 (21). pp. 133-144 [doi:10.31518/2618-9100-2022-1-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-13)
10. Galiev A. Otrazhenie sovetской istorii v politike pamjati sovremennoho Kazahstana [Reflections of Soviet history in the memory politics of contemporary Kazakhstan] // Ylken Altaj elemi – Mir Bol'shogo Altaja – World of Great Altai No.2(3.1) 2016
11. Uchenye Kazahstana prinjali uchastie v ostroj diskussii o problemah istoricheskoy pamjati [Scientists of Kazakhstan took part in a heated discussion on the problems of historical memory]. 2020. URL: <https://toppress.kz/article/uchenie-kazahstana-prinyali-uchastie-v-ostroi-diskussii-o-problemah-istoricheskoi-pamyati>
12. Zharkynbaeva R. Velikaja Otechestvennaja vojna kak jelement istoricheskoy pamjati kazahstancev [The Great Patriotic War as an element of the historical memory of Kazakhstanis]//PRIMO ASPECTU. 2018. No.1(33). pp. 48–55.
13. Asanova S. Ob osnovnykh faktorah povedencheskoj motivacii voinov kazahskikh nacional'nykh vojskovykh formirovanii v gody voyn (1941-1945) [On the main factors of behavioural motivation of soldiers of Kazakh national military formations during the war years (1941-1945)] // Mir Bol'shogo Altaja. 2019. No.5 (2).
14. Kapaeva A. Istoricheskaja pamjat' o vojne v Kazahstane [Historical memory of the war in Kazakhstan] // Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoy pamjati naroda: izuchenie, interpretacija, uroki proshlogo: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem; In-t istorii SO RAN. – Novosibirsk: Izd-vo «Parallel». 2020. pp.34-45
15. Kenzhebaeva S.E. Predstaviteli Alashskoj intelligencii i Sovetskaja vlast' [Alash intellectuals and Soviet power] //Vestnik AGTU. No. 2 (52). 2011. pp. 144-153.
16. Musagalieva A. Zaki Validi i nacional'naja intelligencija Kazahstana [Zaki Validi and the national intelligentsia of Kazakhstan] // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2010. №1. pp.48-58.
17. Tolgambaeva D. Pamjat' ob Alash v publichnyh prostranstvah [Commemorating

- Alash in public spaces] // Vestnik ENU imeni L. N. Gumileva. Serija: Istoricheskie nauki. Filosofija. Religiovedenie. 2019. No.2 (127).
18. Sadvokasova Z. Nasledie alashskoj intelligencii po problemam prosveshhenija kazahskih detej (v kontekste kazahskoj gosudarstvennosti) [Legacy of Alash intellectuals on the problems of educating Kazakh children (in the context of Kazakh statehood)] // Mir Bol'shogo Altaja. 2018. No.4 (3).
  19. Akimbekov S. «Kazahi mezhdur revoluciej i golodom» [Kazakhs between revolution and famine]. Almaty. TOO «Institut Aziatskih issledovanij», 2021., 584 p.; Kameron S. «Golodnaja step'». 2020., M., 360 p. DOI:10.25285/2078-1938-2023-15-3-156-160
  20. Medeuova K. Aktual'nye praktiki pamjati: konceptualizacija proshlogo i konstruirovanie identichnostej [Actual practices of memory: conceptualising the past and constructing identities] // Sbornik nauchnyh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii // Nacional'nyj universitet «Gornyj». Sankt-Peterburg, 2015. pp. 467-471.; Nurbaev Zh. Kollektivnaja pamjat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti (k postanovke problemy) [Collective memory in the context of national identity formation (to the problem statement)]// Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Problemy izuchenija istorii Kazahstana v rusle idei Prezidenta RK N.A. Nazarbaeva «Mөngilik El», Astana. 2014. pp. 34-39.
  21. Sultangazy G., Mukataeva L. Istoricheskaja pamjat' v uslovijah sovremennogo Kazahstana: poiski geroev i smyslov [Historical memory in the conditions of modern Kazakhstan: search for heroes and meanings]. Universitet KAZGUU imeni M.S. Narikbaeva. g. Nur-Sultan, Kazahstan. «edu.e-history.kz» jelektronnyj žurnaly No.2(22). 2020
  22. Derendjaeva A. Golod 1930-h godov v Kazahskoj (Kazahskoj) ASSR: vlijanie sovremennogo kinematografa na konstruirovanie identichnosti [The Famine of the 1930s in the Kazakh ASSR: The Impact of Modern Cinema on the Construction of Identity] // Istoricheskij kur'er. 2022. No.1 (21). -kinematografa-na-konstruirovanie-identichnosti.
  23. Kljuchareva V., Korusenko S. Modernizacija istoricheskoj pamjati i nacional'noj identichnosti v respublike Kazahstan: sredstva formirovanija i transl'jacii [Modernisation of Historical Memory and National Identity in the Republic of Kazakhstan: Means of Formation and Transmission]// VAAJe. 2023. No.3 (62).
  24. Hegaj M. V chem sila kazahskogo roda – istorik [What is the strength of the Kazakh family - historian]. 2023. URL: <https://www.caravan.kz/news/v-chem-sila-kazahskogo-roda-istorik-922878/>
  25. Zhusupova A. Kazahi v sovremennom Kazahstane: dinamika cennostnyh, kul'turnyh ustanovok [Kazakhs in modern Kazakhstan: dynamics of values and cultural attitudes] // Kazahstan v global'nyh processah. 2016. № 4. pp. 63-75.; Zhusupova A. Kak kazahi odnosjatsja k religii, rodovym otnoshenijam i chego bojatsja? [How do Kazakhs feel about religion, clan relations and what are they afraid of?] 2017. Central Asia Monitor URL: <https://camonitor.kz/26497-kak-kazahi-otnosjatsja-k-religii-rodovym-otnoshenijam-i-chego-boyatsja.html>
  26. Nauryzbaeva Z. Rodoslovnye «shezhire» kak forma kollektivnoj pamjati [Genealogical 'shezhire' as a form of collective memory.]. 2023. URL: <https://otuken.kz/rodoslovnye-shezhire-kak-forma-kollektivnoj-pamyati/>
  27. Omar H.: pochemu bogatyje kazahi imeli neskol'ko zhen [Why rich Kazakhs had several wives.]. 2018. URL: <https://qazaquni.kz/kogam/80295-hakim-omar-pochemu-bogatyje-kazahi-imel>
  28. Istorija kazahskih plemen: kak «ru» vlijali na formirovanie naroda i gosudarstva [History of Kazakh tribes: how 'ru' influenced the formation of the people and the state.]. 2023. URL: <https://tengrinews.kz/article/istoriya-kazahskih-plemen-ru-vlijali-formirovanie-naroda-2271/>
  29. «Tjurkskij seminar» v kul'turnoj zhizni Almaty [‘Turkic Seminar’ in the cultural life of Almaty]. 2024. URL: <https://qazaquni.kz/ru/162519-tyurkskii-seminar-v-kulturnoi-zizni-almaty>
  30. Zimanov M. Istoricheskaja pamjat' Kazahstana [Historical memory of Kazakhstan]. 2013 URL: <https://altyn-orda.kz/istoricheskaya-pamyat-kazaxstana/>
  31. Sabitov Zh. Trajbalizm umer vmeste s kochevym obshhestvom [Tribalism died with nomadic society]. 2015. URL: <https://vlast.kz/avtory/14808-trajbalizm-umer-vmeste-kochevym-obshhestvom.html>

32. Istorija kazahskih plemen: kak «ru» vlijali na formirovanie naroda i gosudarstva [History of Kazakh tribes: how 'ru' influenced the formation of the people and the state.] .2023. URL: <https://tengrinews.kz/article/istoriya-kazahskih-plemen-ru-vliyali-formirovanie-naroda-2271/>
33. Shakeeva B., Shajkemelev M., Ajtymbetov N. 2020. Rodovye otnosheniya v Kazahstane: vozrozhdayushhajasja tradicija ili social'nyj instrument? [Clan relations in Kazakhstan: reviving tradition or social tool?]. Central'naja Azija i Kavkaz. T. 23. No. 4. pp. 36-45.
34. El'desov D. Vmesto rodovoj sistemy - interesy nacii [Instead of the tribal system, it is the interests of the nation]. 2022. URL: <https://adyrna.kz/ru/post/101655>
35. Nurekeev A. Nacionalizm ne imeet kornej v mentalitete u kazahov ili pochemu v Kazahstane grazhdaninom byt' opasno [Nationalism has no roots in the mentality of Kazahks or why it is dangerous to be a citizen in Kazakhstan] // DAT. 2015. URL: <https://datnews.info/natsionalizm-ne-imeet-korney-v-mentalitete-kazahov-ili-pochemu-v-kazahstane-grazhdaninom-byit-opasno-prodlolzhenie-nachalo-va-22-29-oktyabrya-2015-g/>
36. Naurzbaeva Z. «Shezhire degenimiz dalbasa». Serikbol Qondybaj. 2011. URL: <https://otuken.kz/shezhire-degenimiz-dalbasa/>
37. Gumilev L.N. O termine «etnos» [About the term "ethnicity"]. Dolozheno na zasedanii Otdeleniya etnografii 17 fevralya 1966 g. // Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR. 1967, №.3 pp. 3-17.
38. Stasevich I.V. Traditsionnyye predstavleniya o vozrastnykh i sotsial'nykh statusakh v sovremennom kazahskom obshchestve (po materialam ekspeditsiy v Zapadnyy Kazahstan) [Traditional ideas about age and social status in modern Kazakh society (based on materials from expeditions to Western Kazakhstan)] // Radlovskiy sbornik. Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2006 g. SPb.: MAE RAN, 2007. pp. 149–153.
39. Schatz E. Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond. Seattle: University of Washington Press, 2005, P. 168.
40. Dorozhkin YU., Igbayev R. Rol' politicheskikh traditsiy v sovremennom politicheskom rezhime Respubliki Kazahstan // Vlast'. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-politicheskikh-traditsiy-v-sovremennom-politicheskom-rezhime-respubliki-kazahstan>
41. see ft. 25
42. Naurzbaeva Z. Rodoslovnye «shezhire» kak forma kollektivnoj pamjati [Genealogical 'shezhire' as a form of collective memory]. 2023. URL: <https://otuken.kz/rodoslovnye-shezhire-kak-forma-kollektivnoj-pamyati/>

Материал поступил в редакцию 25.04.2024. Принят к публикации 16.09.2024